

Содержание

УДК 82.09
ББК 82.3
Л80

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

4

О.Г.И

Москва 2014

УДК 82.09
ББК 83.3
Л80

Редакционный совет:

Л. Н. Киселева, М. Ю. Лотман, С. Ю. Неклюдов, А. Л. Осповат, П. Тороп,
Б. А. Успенский, Т. В. Цивьян

Сборник составлен и подготовлен к печати кафедрой русской литературы
Тартуского университета

Над сборником работали: М. В. Боровикова, Р. С. Войтехович, Т. Т. Гузай-
ров, С. И. Долгорукова, Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, А. Л. Пильд,
Т. Н. Степанищева

Редакторы сборника: Л. Н. Киселева, Т. Н. Степанищева

Л80 **Лотмановский сборник. 4.** / Редакторы Л. Н. Киселева, Т. Н. Степа-
нищева. — М.: ОГИ, 2014. — 664 с.

ISBN 978-5-94282-736-6

Четвертый выпуск собран по материалам международного Лотмановского конгресса «Многоязычие культуры», прошедшего в Тарту в 2012 г. и посвященного 90-летию Ю. М. Лотмана и 85-летию З. Г. Минц. Особый раздел сборника составляют воспоминания о самих Лотманах.

УДК 82.09
ББК 83.3

ISBN 978-5-94282-736-6

© Авторы статей, 2014

© Кафедра русской литературы Тартуского
университета, составление, 2014

© ОГИ, 2014

Содержание

От составителей	9
Международный конгресс «Многоязычие культуры», посвященный 90-летию со дня рождения Ю. М. Лотмана (28.02–2.03.2012). Программа	12

СТАТЬИ

Мария Плуханова. Икона в XV веке: о происхождении Колочской-Смоленской-Казанской	29
Анти Селарт. Тайна купцов, забота дипломатов: русский язык в средневековой Ливонии	48
Лариса Петина. «Album amicorum» Ганса Арпенбека: об особенностях альбомного многоязычия	61
Елена Погосян. Надписи, изображения и архитектура в иконостасе Преображенского собора в Ревеле	80
Мария Сморжевских-Смирнова. Многоязычие военной панегирики Петровской эпохи (на примере иконостаса Преображенской церкви Ревеля/Таллина)	105
Барбара Леннkvист. Открытие русского эроса: «Езда в Остров любви» Тредиаковского	117
Лаура Росси. (Мнимый) «капуцинский текст» русской культуры XVIII — начала XX вв.	129
Ирина Булкина. «Антипаломничество»: киевские путешествия князя И. М. Долгорукова на фоне малороссийских травелогов начала XIX века	153
Алина Бодрова. Об еще одной «французской шалости» Баратынского: к истории стихотворения «Леда»	166
Сурен Золян. Магическое у Пушкина — семантика и поэтика (магия рукописи)	180

Татьяна Степанищева. К истории пушкинских «Братьев-разбойников»: ранняя рецепция поэмы	190
Александр Долинин. Кавказские врата (Дарьяльское ущелье в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года»)	203
Екатерина Лямина, Александр Осповат. Об одной нарративной уловке Пушкина	219
Маргарита Лекомцева. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» в свете коммуникативной ситуации	229
Тимур Гузаиров. «Башаринский» план Пушкина (из комментариев к «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочке»)	240
Алексей Вдовин, Роман Лейбов. Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX веке	249
Дамнапо Ребеккини. Научная диглоссия в историческом образовании Александра II (Лекции о Петре Великом)	262
Любовь Киселева. Язык сцены и язык драмы в имперском идеологическом строительстве 1830-х гг.	279
Михаил Велижев. «Безумие» и «закон» в николаевское царствование: Петр Чаадаев и Альфонс Жобар	298
Карла Мария Соливетти. «В Херсонскую их! Пусть их там живут!»: направление походов Чичикова	309
Владимир Паперный. Истоки «антитолстовского направления» в русской религиозной мысли середины XIX века	322
Наталья Осипова. Азбука Л. Н. Толстого как идеологический проект	335
Анна Литвина, Федор Успенский. Три судьбы двух сюжетов (Лев Толстой и мемуарные очерки В. А. Шомпулева)	349
Леа Пильд. Метафорика и образность в стихотворных посланиях Фета Л. Н. Толстому	364
Вадим Парсамов. «Билет на вход» Ивана Карамазова (к проблеме «Достоевский и Жозеф де Местр»)	375
Майя Кучерская, Александр Лифшиц. Лесков — миссионер	384
Дэвид Бетеа. Соловьев и Дарвин: между Софией и «выживанием сильнейших»	394
Мария Боровикова. О цикле Марины Цветаевой «Бессонница»	406
Роман Войтехович. Композиция книги Марины Цветаевой «Версты» (1921)	418

Евгения Табориская. Россия и Европа в воронежских стихах О. Мандельштама (мотив города)	434
Татьяна Цивьян. Мандельштам через посредника (Из заметок русского читателя книги Ремо Факкани <i>Osip Mandel'stam. Ottanta poesie</i>)	445
Павел Успенский. «Лиры лабиринт»: почему В. Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»?	450
Геннадий Обатнин. Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод»	468
Олег Лекманов. О двух редакциях одного перевода Даниила Хармса	495
Николай Зубков. К характеристике советского литературного быта (по материалам библиотеки А. Е. Крученых)	502
Константин Поливанов. «Доктор Живаго»: художественный язык романа и язык интерпретации	510
Петер Алберг Йенсен. Два вида диалогичности у Бахтина: диалогичны ли оба?	520
Андрей Немзер. «Про женщину и про солдата»: об одном сквозном сюжете поэзии Давида Самойлова	533
Татьяна Сташенко. Диалог с двойником: образ Франца Шуберта в лирике Д. Самойлова	550
Ирина Головачева. Двойник эмигранта: «другой» как Я в автореференциальной прозе	559
Янина Курсите, Рута Иргенсоне. Сема камня в балто-славянском сакральном пространстве	568
Людмила Спроге. «Konevskis viņas dzemē gāja»: «В ее прожорливой пучине навеки скрылся Коневской» (о поэме 1920 г. латышского писателя Антонса Аустриньша)	579
Дмитрий Иванов. «Семьдесят четыре „Ревизора“». О методах трансляции советского театрального канона в Эстонии	587
Николай Богомолов. Художественный язык и социокультурные страты позднесоветского общества	599
Сирье Олеск. Яан Каплинский — эмигрант, который не эмигрировал	606
Елена Сморгунова. Русская Библия и библистика: несколько наблюдений над эволюцией языковых проблем в последнюю четверть XX в.	617

ЛОТМАНЫ В НАУКЕ И В ЖИЗНИ

Михаил Мейлах. Oberiutiana tartuensis, или У истоков обэриутоведения: Тарту, 1965–1967	627
Вечер воспоминаний 2 марта 2012 г.	645
Лариса Найдич	645
Юрий Фрейдин	647
Томас Венцлова	648
Юрий Цивьян	654
Роман Тименчик	655
Мариэтта Чудакова	656
Александр Осповат	660
Леонид Столович	661

Лесков — миссионер*

Майя Кучерская, Александр Лифшиц
(Москва, НИУ ВШЭ)

1

Предлагаемая работа посвящена рассказу Лескова «На краю света» — наиболее последовательному художественному высказыванию писателя на миссионерскую тему, которая, как будет показано, ассоциировалась для него с апостольским глаголением на многих языках, т. е. многоязычием в специфическом евангельском смысле.

Как известно, рассказ «На краю света», опубликованный в 1875–1876 гг.¹, основан на реальных событиях, случившихся с архиепископом Ярославским и Ростовским Нилом в то время, когда он — тогда еще епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский — занимался миссионерской деятельностью в Сибири. Историю спасения епископа Нила язычником и дикарем Лесков услышал в пересказе Василия Александровича Кокорева². Об этом писатель сообщает в очерке «Владычный суд»³. Вероятнее всего, Лесков мог услышать этот нетривиальный рассказ в начале 1875 г., когда, надеясь обрести с помощью Кокорева постоянный заработок, тесно общался с ним. Сам архиепископ Нил к тому времени уже скончался — кончина его последовала 21 июня 1874 г. Последнее обстоятельство, возможно, позволило Лескову чувствовать себя при сочинении рассказа более раскованно, а некрологи в православной и светской прессе, освещавшие грандиозную деятельность архиепископа Нила, который прославился в первую очередь своими миссионерскими трудами, делали фигуру усопшего владыки еще более актуальной для писателя.

Как дружно напоминали авторы некрологов⁴, 15 лет, с 1838 по 1853 г., епископ Нил занимался последовательным и активным христианским просвещением Сибири. Для этого он не только выучил монгольский язык, но и перевел на него Евангелие и богослужебные тексты. Он изучал буддизм и написал о буддизме исследование⁵, а в более позднее время подготовил к изданию «Путевые записки о путешествии по Сибири», где идет речь о его миссионерской деятельности⁶. Иными словами, прототипом лесковского рассказа стал своего рода «идеальный миссионер» и, во всяком случае, человек неординарный. Однако рассказ Кокорева и некрологи были не единственным поводом к написанию миссионерского рассказа.

* Статья написана при поддержке Научного фонда Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

2

1870-е гг. — время повышенного общественного внимания к проблеме миссионерства среди языческих народов. С усилением интереса к миссионерской теме, видимо, было связано и основание Православного миссионерского общества в Москве в январе 1870 г., деятельность которого была направлена на распространение христианства среди подданных Российской империи. После открытия общества специальные миссионерские комитеты были созданы в 13 епархиях; миссионерское общество получило у Священного синода разрешение произносить ежегодные церковные проповеди о миссионерстве в праздник Торжества православия, и с 1873 г. такие проповеди действительно стали произноситься по всем церквям России. В 1874 г. на средства Православного миссионерского общества в Москве начал выходить еженедельный журнал «Миссионер», публиковавший разнообразные материалы о миссионерской деятельности в различных частях российской губернии.

Уже в первом номере журнала были прямо сформулированы причины его издания: охлаждение к делу христианской проповеди в России и необходимость «возбудить в народе сочувствие к миссионерству»⁷. Разумеется, проповедь православия должна была быть направлена не только на язычников, но и на старообрядцев, и разнообразных сектантов, которые нисколько не соответствовали синодальному представлению о благочестии.

К 1875 г. исследование жизни староверов стало для Лескова частью его литературной биографии — в 1863 г. по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина он побывал в Пскове и Риге для изучения старообрядческих школ. По результатам поездки Лесков написал сразу несколько работ, опубликованных в том же году («О раскольниках города Риги, преимущественно в отношении к школам», «Раскольничьи школы», «С людьми древнего благочестия»). Лесков пишет о староверах с неизменным сочувствием. В том, что они заблуждаются, он не сомневается, но возражает против ограничения гражданских прав старообрядцев, считая, что присоединиться к православию они должны добровольно.

Спустя десять лет после публикации упомянутых работ о расколе, в период с 1873 по 1875 г., Лесков вновь вернулся к проблемам миссионерства — и среди раскольников, и среди сектантов. Этой теме отчасти посвящены повести «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» (обе опубликованы в 1873 г.), а также несколько публицистических выступлений. В «Очарованном страннике», кстати, появляются неудачливые миссионеры, которые не задумываются о том, как надо обращаться с «татарами», и потому становятся жертвами зверского убийства.

Соответственно, и статьи Лескова 1874–1875 гг. о расколе и секантах — это уже не этнографические заметки о раскольниках, как в 1860-х гг. В них он анализирует причины неуспеха православной проповеди среди раскольников и сектантов и падения авторитета православной церкви. Этих статей, имеющих прямое отношение к нашей теме, в которых шлифовались взгляды Лескова на миссионерство, было собственно три: «Об обращениях

и совращениях» (1874)⁸, «О сводных браках и других немощах» (1874)⁹, «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборческих и других сектах» (1875)¹⁰. Все были опубликованы на страницах газеты «Гражданин» — там же, где и рассказ «На краю света».

Если суммировать суть высказываний Лескова, то сводятся они к следующему: писатель, во-первых, выступает против любого давления и насилия в вере, считая, что обратиться в свою веру невозможно и поэтому полицейские меры по отношению к раскольникам и сектантам принесут только вред; во-вторых, говорит о ценности «практического христианства», применении заповедей Христовых на практике — что хорошо удается штундистам — и объясняет этим их успех на юге России. В-третьих, напоминает, что «доносы, нетерпеливость, малосведущность в писаниях», равно как и «неумение чинно служить» (то, что, по мнению Лескова, отличает православное духовенство от раскольников), не могут способствовать успеху проповеди православия.

3

Как видим, актуализация миссионерской темы в обществе в первой половине 1870-х гг. наложилась на собственные лесковские интересы, а услышанный от Кокорева рассказ стал отправной точкой для создания миссионерской притчи, для проповеди христианства, каким его понимал Лесков.

Напомним, что рассказ «На краю света» — история о том, как православный епископ, горячий миссионер, желавший обратиться в православие как можно больше «дикарей», в итоге убедился, что в некрещеном язычнике любви и самоотверженности может оказаться гораздо больше, чем в крещеном христианине. Как раз некрещеный дикарь спасает епископа от неминуемой голодной смерти. Завершается рассказ следующими словами:

Почтите же вы, господа, хоть святую скромность православия и поймите, что верно оно дух Христов содержит, если терпит все, что Богу терпеть угодно. Право, одно его смирение похвалы стоит; а живучести его надо подивиться и за нее бога прославить.

Мы все без уговора невольно отвечали:

— Аминь. [5: 516]

Слушатели в рассказе реагируют на повествование архиепископа как на проповедь, давая читателю ключ к пониманию лесковского текста.

Однако речь архиепископа в рассказе действительно содержит признаки этого ораторского жанра, которые *опознаются* слушателями и могут быть узнаны читателями. Лесков сознательно использует здесь характерные черты жанра канонической церковной проповеди. Помимо заданной автором центральной фигуры рассказчика, уже располагающей воспринимать сказанное как что-то большее, чем простой рассказ, сама форма рассматриваемого текста повторяет форму церковного поучения — это «собеседова-

ние», «беседа». Именно так называли проповедь в учебниках по гомилетике, по которым во времена Лескова учились семинаристы. Такое наименование жанра носило принципиальный характер: как писал во вводной части автор одного из самых популярных академических учебников 1860–1870-х гг. протоиерей Назарий Фаворов, «прямое звание проповедника есть звание духовного учителя народа и притом учителя-пастыря, который должен говорить в качестве духовного отца, или, что то же, должен беседовать с народом, а не ораторствовать перед ним»¹¹. Еще один существенный признак проповеднического жанра — и на это тоже указывает Фаворов — апелляция к авторитетам, ссылки на Священное Писание и святоотеческую литературу.

Цитат из Священного Писания и святых отцов в рассказе «На краю света» действительно множество, однако ими дело не ограничивается, так как перед нами все же не каноническая церковная проповедь, но провозглашение истин, важных для Лескова.

4

Герой Лескова ссылается на книги Бытия, Исхода, книги ветхозаветных пророков, Евангелие, Откровение Иоанна Богослова, Деяния апостолов. Одновременно он обращается к творениям отцов Церкви и проповедников прошлого: использует молитву святителя Кирилла Туровского и «тайноводственные поучения» Кирилла Иерусалимского, поучения архиепископа Казанского святителя Гурия (Руготина) и Исаака Сирина, полемическое сочинение Стефана Яворского «Камень веры». Вместе с тем проповедник Лескова ссылается и на еретика Тертуллиана, на древнерусские летописи, немецкого философа и мистика Карла Эккартсгаузена, античную и буддийскую мифологию, бурсацкий и русский фольклор. Таким образом, создается текст, чрезвычайно густо насыщенный церковными, книжными, историческими и иными весьма разнообразными культурными ассоциациями. Эта особенность рассказа прямо связана с замыслом: сам список источников Лескова — своего рода коррелят многообразия идеологических систем.

Весьма неожиданной в рассказе православного архиерея представляется ссылка на «Энеиду» Вергилия. При этом нет сомнений, что Вергилий попадает в рассказ совсем не случайно. Строки римского поэта приходят епископу на ум в тот момент, когда он смотрит на своего проводника: тот только что спас его от голодной смерти, после чего сообщил иерарху, что хозяин, «который наверху», все видит, и крепко уснул. Духовному зрению епископа открывается истина:

...и в этом раздумье не заметил я, как небо вдруг вспыхнуло, загорелось и облило нас волшебным светом: все приняло опять огромные, фантастические размеры, и мой спящий избавитель представлялся мне очарованным могучим сказочным богатырем. <...> Прости меня, блаженный Августин, а я и тогда разномыслил с тобою и сейчас с тобою не согласен, что будто «самые добродетели языческие суть только скрытые пороки». Нет; сей, спасший жизнь мою, сде-

дал это не по чему иному, как по добродетели, самоотверженному состраданию и благородству; он, не зная апостольского завета Петра, «мужался ради меня (своего недруга) и предавал душу свою в благотворение». <...> Авва, Отче, сообщай Себя любящему тебя, а не испытующему, и пребудь благословен до века таким, каким Ты по благодати своей дозволил и мне, и ему, и каждому по-своему постигать волю Твою. Нет больше смятения в сердце моем: верю, что Ты открыл ему себя, сколько ему надо, и он знает Тебя, как и всё Тебя знает:

Largior hic campos aether et lumine vestit
Purpureo, solemque suum, sua sidera norunt!¹² —

подсказал моей памяти старый Вергилий, — и я поклонился у изголовья моего дикаря лицом донизу, и, став на колени, благословил его, и, покрыв его мерзлую голову своею полою, спал с ним рядом так, как бы я спал, обнявшись с пустынным ангелом [5: 510].

Если бы Лесков хотел снабдить речь героя ссылкой на авторитетный (священный) текст, то наиболее подходящими по смыслу стали бы слова апостола Павла из Деяний апостольских о жертвеннике «неведомому богу»: «...Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. XVII: 22). Выбор Лесковым цитаты из Вергилия, таким образом, оказывается маркированным.

Итак, в переломный момент рассказа владыке вспоминается Вергилий — языческий поэт, благодаря четвертой эклоге из цикла «Буколики» принятый в мир христианской культуры. Вергилий — фигура переходная, находящаяся на границе христианской и языческой цивилизаций. Приведенная цитата из «Энеиды» описывает край вечного блаженства в загробном мире (античный аналог христианского рая), куда попадает Эней. Введение Вергилия, таким образом, иллюстрирует ключевую идею рассказа: как Вергилий сумел предчувствовать и увидеть явление света Христова, внять гармонии вечного блаженства, так и язычник-дикарь может приблизиться к познанию пока неведомого ему Бога.

Заманчиво, конечно, рассмотреть и еще один напрашивающийся контекст, в котором образованный европеец сталкивается с Вергилием: Вергилий — проводник Данте в его странствиях¹³. В этом случае и ледяная пустыня, в которой оказывается герой Лескова со своим проводником, может быть сопоставлена с девятым кругом Дантова Ада — ледяным пространством абсолютной смерти с Люцифером в центре. Это совершенно сознательная аллюзия, в которую включен и Люцифер — не называя, его описывает Лесков: «...может ли быть страшнее в аду: вокруг мгла была непроницаемая, непроглядная темь — и вся она была как живая: она тряслась и дрожала, как чудовище, — сплошная масса льдистой пыли была его тело, останавливающий жизнь холод — его дыхание». Останавливается не только жизнь: у епископа останавливаются даже часы — в аду нет жизни и, соответственно, нет времени. Вообще слово «ад» неоднократно возникает у Лескова в описании сибирской снежной пустыни.

Но, как в «Божественной комедии», покидая Ад, герой Данте видит «красу небес в зияющий просвет» и небесные светила¹⁴, так и в рассказе Лескова сразу за ледяным ужасом открывается вид на небо и небесные светила, и цитата из Вергилия оказывается несущей еще большую смысловую нагрузку.

Итак, для Лескова фигура Вергилия подчеркивает то, что в духовном мире язычник может оказаться выше иного христианина. Архиепископ отмечает, что спал со своим проводником рядом так, как бы спал, «обнявшись с пустынным ангелом» [5: 510]. Здесь Лесков, прекрасно знающий иконографию, несомненно, намекает читателю на распространенное в православной традиции иконописное изображение Иоанна Предтечи «Ангел пустыни», на котором в виде ангела в звериных шкурах изображается Иоанн Креститель. Волею автора язычник и епископ как будто повторяют евангельский сюжет о Христе, приходящем к величайшему из пророков предшествующего христианству мира¹⁵. Такое сравнение оказывается тем более верным, что фигура епископа в христианстве символизирует Христа.

Наконец, в цитате из Вергилия различим и отзвук текста, который, как уже указывалось, являлся одним из источников рассказа «На краю света», — это «Путевые записки» архиепископа Нила (Исаковича). Вся первая часть записок Нила, описывающая путешествие его по Сибири, полна цитат из языческих древних авторов — в особенности из «Метаморфоз» Овидия.

Реальный архиепископ Нил, человек начитанный, книжный, словно не находит в христианской литературе и культуре образов и слов для описания предстоящей его взору пустыни, природного хаоса, диких и чуждых людей — для рассказа об этом годятся лишь слова поэта из дохристианской эпохи. Приведем лишь один пример:

Перед нами, по мере движения нашего вперед, горный ландшафт разворачивается, принимает новые и новые формы и, можно сказать, волшебною метаморфоз своих силою, влечет нас в мир фантазии, в эпоху якобы былых времен, когда безбожные Гиганты, чудовищными затеями своими, самого Зевса подвигали на брань против них: <...>

Когда-то говорят,
Гиганты дерзкие,
Задумав небом овладеть,
До звезд подняли гору.
Тогда великий Зевс
Послал перуны,
И разгромил Олимп¹⁶.

Надо сказать, что цитат из древних у Нила очень много, для миссионерских записок это совершенно не характерно, ничего похожего не находим мы у его современников, также описывавших свои миссионерские путешествия¹⁷. Все составители подобных путевых дневников ограничиваются фак-

тами, историческими сведениями, этнографическими деталями, статистическими данными. И только Нил обращается то к Горацию, то к Гомеру, то к Овидию, и лишь изредка к Священному Писанию.

Но если начитанный архиепископ Нил обращается к античным образам как к удобным архетипам, пребывая в уверенности, что любое явление в окружающем мире и культуре имеет прецеденты, то в контексте рассказа «На краю света» ссылка на Вергилия получает несколько иной смысл: проводник Вергилий — посредник между языческим и христианским миром, но он же в тексте Лескова еще и свидетельствует о многообразии мира, который более широк и непредсказуем, чем любой прецедент, и потому не сводим к одному языку, системе ценностей, одной религии.

5

Цитата из Вергилия — не единственная лесковская ссылка на античность в рассказе. Чуть раньше в повествовании епископа возникает Гермес. Этот эпизод также весьма выразителен:

Ко мне плыла крылатая гигантская фигура, которая вся с головы до пят была облечена в хитон серебряной парчи и вся искрилась; на голове крупнейший, казалось, чуть ли не в сажень вышины, убор, который горел, как будто весь сплошь усыпан был бриллиантами или точно это цельная бриллиантовая митра... Все это точно у богато убранного индийского идола, и, в довершение сего сходства с идолом и с фантастическим его явлением, из-под ног моего дивного гостя брызжут искры серебристой пыли, по которой он точно несетя на легком облаке, по меньшей мере, как сказочный Гермес [5: 506].

Честный и милостивый дикарь приравнен здесь и к древнегреческому богу Гермесу, и к индийскому идолу — очевидным отсылкам к языческой сущности героя. Но при этом он как будто оказывается облачен в *хитон* из серебряной парчи. Так Лесков заставляет архиерея наделять этого язычника неявными, не столь бросающимися в глаза признаками новозаветной традиции: античный хитон — льняная рубашка, туника — одежда Христа и апостолов. У Лескова хитон становится парчовым и серебряным, и, следовательно, шкуры дикаря уподобляются уже не обычной одежде эллинистического мира, но литургическому священническому облачению.

Лесков бесконечно провоцирует читателя не ограничиваться одной, раз и навсегда выбранной позицией, пространством его рассказа не однозначно, роли персонажей не закреплены за ними намертво: он заставляет в язычнике видеть Иоанна Крестителя, крестить «дикаря» приходит епископ, но сам принимает духовный дар от, казалось бы, непросвещенного туземца, одежда из шкур предстает облачением священнослужителя, а снежная «митра» индийского идола готова обернуться митрой епископской.

«Темняк» (таково было заглавие рассказа в первой редакции — см.: [5: 552—576]) и дикарь несколько раз ссылаются на буддийские легенды и поклоняется буддийской богине Дзол-Дзаягачи. Место всем им — античным,

буддийским, индийским богам — нашлось в рассказе «На краю света» потому, что это сам Лесков устами своего героя произносит проповедь. Не ставя под сомнение абсолютную истинность христианства, он провозглашает, что в толковании и поиске истины все — кто дальше, а кто ближе — находятся в круге света, пусть даже иногда и на самом его краю.

Гармонический мир — для Лескова 1870-х — мир, вмещающий в себя разные культуры, языки, взгляды. Высшее начало, которое может объединить и примирить все это, — конечно, любовь, которая ведет к истине вне зависимости от того, какую религию исповедует в данный момент человек и на каком языке он говорит.

Обращаясь к сюжету, в котором сталкиваются разные языки и культуры, Лесков декларирует существование вневременных универсальных истин, для выражения которых нужны средства большие, чем может дать один язык и одна культура. Понятно, что рассказ об этих истинах неизбежно должен включать в себя заимствования из разных языков и культур.

Так рутинное занятие миссионера у Лескова возрастает до апостольского благовествования, для которого, как мы знаем, и дарована была ученикам Христа способность говорить на разных языках.

Рассказ «На краю света» оказывается авторской иллюстрацией к формирующимся в это же время взглядам Лескова на писателя как на миссионера. Двадцатью годами позже он выразит это открыто: «Дело честного писателя — служить тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и всеовершенство» (1894)¹⁸.

6

Описанные убеждения Лескова кажутся связанными и с его жизненными обстоятельствами — в первую очередь с тем положением в литературе, которое он занимал в середине 1870-х гг. Это мучительное для Лескова время, когда он ищет постоянного заработка и неудачно пытается сотрудничать с Кокоревым. На 1874 г. приходится окончательный разлад с М. Н. Катковым, который уклонился от публикации «Черноземного Телемака» («Очарованного странника») в «Русском вестнике». Лесков лишился последнего «толстого» журнала, в котором был принят:

«Р<усский> в<естник>» был последний журнал, которого я мог еще как-нибудь держаться, теряя там значительное стеснение, — теперь и это кончено; а ни плодить материалюстов других «Вестников», ни лепить олигархов «Р<усского> мира» я не могу. Поэтому, чтобы не совсем отречься от литературы, остается на время отойти от нее в сторону и стать вне зависимости от всеподавляющего журнализма. При нынешнем тиранстве журналов в них работать невозможно, и мое нынешнее положение лучшее тому доказательство¹⁹.

Далее он подробно жалуется на свои мытарства, пишет о том, что в итоге ему «некуда деться», т. е. негде печататься, и более всего желает уйти от «тиранства журналов».

Позднее, в письме П. К. Щебальскому из Мариенбада, эта литературная неприкаянность неожиданным образом объединяется с духовными вопросами. «Духовное христианство» и литературная жизнь оказываются соотнесены. В начале письма (от 29 июля 1875 г.) Лесков пишет Щебальскому о своем растущем разладе с церковью, церковностью, а затем сообщает о новом замысле — он хочет написать роман о еретике:

Зато меня подергивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного *духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей. Я назвал бы такую повесть «Еретик Фornosов», а напечатал бы ее... Где бы ее напечатать? Ох, уж эти «направления»! [10: 411].

Соединение темы духовной свободы и вынужденной литературной несвободы, очевидно, скрывает еще один ключ к рассказу «На краю света», провозглашающему узость любого «одноязычия».

Указанный контекст позволяет утверждать, что рассказ «На краю света» адресован еще и «литературным миссионерам», признающим верность исключительно собственного направления и не способным подняться над этими разграничениями — во имя «духовного христианства», т. е. подлинной любви.

Примечания

- ¹ Рассказ был впервые опубликован в журнале «Гражданин» (1875. № 52 от 28 дек.; 1876. № 1–4; 6, от 5, 12, 18, 25 янв. и 8 февр.). В этом же году рассказ был издан отдельной книжкой под заглавием «На краю света (из воспоминаний архиерея)». *Рассказ Н. С. Лескова*. (СПб., 1876).
- ² Кокорев Василий Александрович (1817–1889) — известный предприниматель, богатейший на винных откупах, меценат, строитель первого в России керосинового завода, инициатор создания крупнейшего в России Волжско-Камского банка и т. д., почетный член Академии художеств.
- ³ «Я не вижу более надобности скрывать, что архиерей, из воспоминаний которого составлен этот рассказ, есть не кто иной, как недавно скончавшийся архиепископ ярославский, высокопреосвященный Нил, который сам рассказывал это бывшее с ним происшествие поныне здравствующему и живущему здесь в Петербурге почтенному и всякого доверия достойному лицу В. А. К-ву. В. А. К-в сообщил этот случай мне как прекрасный материал для характеристики светлого и ясного взгляда усопшего автора „Буддизма“, а я только воспользовался этим материалом» (*Лесков Н. С. Собр. соч.*: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 89. Далее при ссылках на это издание в тексте статьи указываются номер тома и страницы арабскими цифрами).
- ⁴ Странник. 1874. № 7. С. 41–43; Ярославские епархиальные ведомости. 1874. № 33. 14 авг. С. 257–258; Миссионер. 1874. № 28. С. 253–256; Гражданин. 1875. № 1. С. 9.
- ⁵ *Нил* (Исакович). Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири, СПб., 1858.
- ⁶ *Нил* (Исакович). Путевые записки о путешествии по Сибири: В 2 ч. Ярославль, 1874.
- ⁷ Миссионер. 1874. № 1. С. 1.
- ⁸ Гражданин. 1874. № 49.

- ⁹ Гражданин. 1875. № 3–4.
- ¹⁰ Гражданин. 1875. № 15–16.
- ¹¹ *Фаворов Н., протоиерей*. Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика. Киев, 1869. С. 1.
- ¹² «Пышнее здесь эфир одевает пространства в убранство пурпурного света, и познают люди здеиные солнце свое и аведы свои!» (перевод с латинского); ср. в переводе С. Ошерова: «Здесь над полями высок эфир, и светом багряным / Солнце сияет свое, и свои загораются звезды» (Энеида. Кн. 6, ст. 640–641 // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971. С. 235).
- ¹³ О своем знакомстве с «Божественной комедией» Лесков свидетельствует неодиократно (см., например: Лесков Н. С. Наша провинциальная жизнь // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996. Т. 8. С. 365; Лесков Н. С. На ножах // Там же. Т. 9. С. 137).
- ¹⁴ См. Дантс. Божественная комедия (Ад. Песнь 34, ст. 136–139).
- ¹⁵ Мф. 11: 7; ср. также: Мф. 3: 14: «Иоанн же удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?»
- ¹⁶ *Нил (Исакович)*. Путевые записки о путешествии по Сибири. Ч. 1. С. 208.
- ¹⁷ Ср.: Путевые записки свящ. Андрея Аргентова. Восточная Сибирь. Нижний Новгород, 1886; *Титов Ан.* Миссионерская деятельность пресвящененных Никола Исаковича и Дионисия Хитрова. М., 1910 (впервые: Душеполезное чтение. 1910. № 2 и 3). См. входящие в состав этой работы путевые дневники Дионисия Хитрова и Константина Кокаулина; см. также: *Верицкий Василий, свящ.* Записки миссионера Кузнецкого отделения алтайской миссии // Православное обозрение. 1874. № 6.
- ¹⁸ См.: В мире Лескова. М., 1983. С. 365.
- ¹⁹ Письмо Аксакову 16 ноября 1874 г. // Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. С. 362.